Островок любви

Унесло течение Лужеснянки тайну наших встреч и невысказанное признание.

Течет моя речка Лужеснянка, бежит, петляет по лесам да лугам, местами совсем мелкая, местами бурная. И такая родная, знакомая до каждого поворота, до каждого камушка на дне. Бежит, чтоб влиться в Двину, пополнить ее своими нескончаемыми водами. Бежит, чтоб поколения помнили: вы — гости в этом мире, а я — вечная! В ее воды смотрел умница и ловелас молодой помещик Сущее в далеком XVIII веке, когда основал деревню Сущево, когда учил крестьян трудиться на земле, используя научный подход. За честность, доброту и ум уважали его люди. Возможно, он, построив свою усадьбу над самой рекой, не раз любовался ее бурным течением, сажал деревья и кустарники, разводил рыбу. Возможно даже, что теплым летним вечером он, влюбленный в одну из своих подданных, шептал ей самые прекрасные в мире слова:

— Смотри, как красиво все в этом мире! Закат, солнце, небо, лес! Это все для нас с тобой! Пройдут годы — нас не будет, а все это останется вечно! О нас забудут — память людская короткая — а эта река и небо будут всегда знать, как я любил тебя!

...Прошло два столетия. Наступили другие времена, выросли другие люди, может быть, лучше, умнее, совершеннее. Просто — другие. Уже и лес не тот: вырубили, и речка Лужеснянка обмелела, и перестала гонять воды Шекелевская мельница, куда еще до войны свозили местные крестьяне зерно, чтоб смолоть на муку. Мало рыбы в реке, а вот бобры года два назад расселились по всему берегу и теперь вовсю строят свои хатки, подгрызая вековые деревья. Им вольготно у речки — никто их не беспокоит. Люди научились ценить природу. От прежней усадьбы Сущева осталась одна стена с огромным окном да поросль уничтоженных ценных деревьев...

Я долго стояла на обрывистом берегу реки и любовалась закатом. Шестиклассники и семиклассники, которых я привела в поход на Шекелевскую мельницу, уже накупались до пупырышек, успели поужинать и разругаться за дежурство у костра, а теперь шумно играли в волейбол. Их крики далеко разносились по округе, пугая редких птиц. Темнело постепенно, ведь июнь только вступил в свои права. Правый берег реки Лужеснянки, мелководной и спокойной, осветили лучи уходящего спать солнца, и он казался сказочно красивым. Деревья, сливаясь в одну стену, подступали к самому берегу, влезали на него, вгрызались в песчаный берег. Сейчас везде росли аир, осока, рогоз. А по воде плавали длинные стебли водорослей. Они шевелились, путались, искрились, будто живые. Еще недавно ребятишки так замутили воду, что не было видно ни камушка, а теперь — смотрите-ка! — как хрусталь: даже малюсенькая рыбешка видна!

Днем, расставив палатки и приготовив дрова для костра, я рассказывала ребятам о возникновении деревни, о далеких предках, которые жили на берегах Лужеснянки, о помещике Сущеве, о войне, на которой погибло много односельчан, и о легендах родного края. Я с детства знала эту речку и все истории о ней. Знала, но в последнее время бывала здесь очень редко. Наверное, потому, что разменяла уже шестой десяток, что трудно стало ходить с детьми в походы так далеко, что дома было хозяйство, потому что сельскому учителю всегда было труднее, чем городскому.

А больше всего, наверное, потому, что не хотела вспоминать о нем, о Василии, о Василии Петровиче, учителе сельской школы.

По распределению я, Елена Васильевна, тогда совсем молоденькая и неопытная учительница белорусского языка, лопала на Россонщину. Девять лет работала там. Вышла замуж, родила сына. Люди любили и уважали меня как учителя, а вот брак распался; муженек любил выпить и руки распускал. Да и на родину тянуло, к матери, друзьям, к родным болотистым лесам, где так много грибов и ягод летом, где большие сугробы зимой, где течет, не

замерзая, живая прозрачная вода Лужеснянки. Тянуло так, что однажды утром я, собрав только самое необходимое, забрав сына и собаку, на попутке уехала домой. Оставила недавно построенный дом, нелюбимого мужа, школу. Я мужественно и быстро вычеркнула из своей жизни целых девять лет. И все начала с чистого листа. Снова — школа, дети, уроки, сын, новые люди, прежний лес и удивительно родная река. По натуре скрытная, я только там отдыхала душой, река давала мне силу и надежду.

Маленький островок, куда часто бегала я от шумных детей и домашних забот, манил к себе, защищал от чужих глаз. Вокруг росли ольха и лоза, а посредине островка красовалась, как панна, рябина. И так легко было здесь, спокойно. Это может понять только тот человек, который часто бывает на людях и которому не хватает времени побыть одному. Этот чудо-островок знала только я — так мне казалось.

Но однажды летом, как всегда босиком перейдя речку, увидела, что на моем месте сидел немолодой мужчина лет пятидесяти и неотрывно смотрел на поплавок. Он, видите ли, ловил рыбу! Это на моем-то месте!

— Эй, товарищ, а вам больше негде поудить? Кто вытачкой? Как сюда попали? Это мое место!

— Сразу столько глупых вопросов! Я учитель математики и физики, буду работать в вашей школе, а место ваше не подписано, мне оно тоже нравится! — грубовато ответил мужчина.

— А откуда вы и как узнали об этом островке?

— Из города, буду до пенсии работать тут. Местечко хорошее. А как вас зовут?

— Елена Васильевна. А вас?

— Василий Петрович. Разрешаю вам звать просто Василий. Знаете, Лена, вы мне понравились, а где вы работаете?

— Не скажу, у вас клюет! Это плотка.

— А вы в рыбе разбираетесь! А в чем еще?

— Надоели вы мне. Я ухожу!

Я не знала тогда, что непросто так тянуло меня к этому месту, что тут я встречу человека, который принесет мне столько счастья и столько горя, что хватит потом на долгие годы.

Назавтра увиделись в школе. Василий был давно женат, вырастил прекрасных дочерей, дал им хорошее образование. В школе мужчин вообще не бывает, эта работа женская. Или бывают, но они становятся похожими на женщин по характеру. А Василий умел все: и покрасить, и починить, и прибить, и на станках работал, и машину водил. На школьных праздниках был заводилой, балагуром, танцором. Женский коллектив возликовал! Но рядом всегда была жена, красивая женщина, учитель русского языка, мудрая и спокойная. Я получила строгое воспитание, поэтому вообще не обращала на него внимания. Но остров! Он так и тянул нас обоих. И мы встретились снова, через год, на том же островке, у той же речки, чтоб не расставаться целых пятнадцать лет.

Встречались весной, летом, иногда осенью. Часто не сговариваясь! Я могла и пропустить встречу, считала это глупостью. Василий мог ждать долго, упорно. Ему мало было видеть меня в школе просто сходил с ума и начинал делать глупости! Я же, разуверившись в мужчинах, не верила Василию, считала его желания блажью. Удивляло только одно: он и я думали одинаково, любили одни и те же книги, фильмы, много спорили и всегда приходили к единому решению.

Работы было много а школе и дома, но вечерами он всегда ждал меня недалеко от деревни на речке. Было неприятно от мысли, что узнают на работе, что начнут судачить, обговаривать. Да, видимо, репутация хорошего семьянина и образцового мужа никого не навела на мысль о его встречах со мной. Да и я, замкнутая, неразговорчивая, хороший специалист и замечательная мать и бабушка, не вызывала никаких подозрений, тем более что между нами разница в возрасте была большая: он был старше меня на целых шестнадцать лет.

— Лена, милая, ты еще такая маленькая! Давай уедем отсюда, ведь ни я без тебя, ни ты без меня жить не сможем!.. — часто говорил он.

— Нет! Никуда я не поеду из этой деревни! Тут мой дом, мои друзья, моя школа.

— А как же я?

— Не знаю, мне кажется, наши встречи — лишнее.

— А мне так не кажется. Я очень тебя люблю, я уже немолодой, вот впервые в жизни признаюсь в любви. Лена, скажи что-нибудь!

— У тебя есть жена, дети, у меня тоже семья, сын, внуки, я не брошу их!

—Ты подумай, как бы мы жили здорово! Ты моя единственная, хорошая, ты для меня все в этом мире.

Я тогда ничего не ответила ему. Мне немного льстило, что именно меня, не совсем красивую, выбрал такой мужчина, а больше всего я не верила ему, просто не хотела верить.

Так продолжалось пятнадцать лет, долгих, самых счастливых в моей жизни. Встречались в школе, дома, в городе, на речке. Просто разговаривали, шутили, смотрели друг на друга. Этого было достаточно, чтоб быть счастливыми.

Однажды на Новый год Василию стало плохо. Вызвали скорую, забрали в больницу. Я навещала его почти ежедневно. Он ждал этих встреч, жил этими встречами.

— Леночка, милая, человечек мой дорогой, что ты сделала с нашей жизнью? Я ведь был с тобой и без тебя. Ты меня нисколько не любила. Если б ты согласилась уехать тогда — мы б так жили с тобой, всем на зависть, а теперь поздно. Ты останешься, а я уйду! Скажи мне что-нибудь хорошее! Скажи, что будешь помнить наш островок, что будешь помнить меня!

— Вася, я не знаю, что тебе сказать, столько лет я тебя знаю, ты никуда не уйдешь, мы обязательно уедем, ты поправишься, я буду с тобой.

— Обещаешь, что будешь помнить?

— Не глупи, ты хорошо выглядишь, — засмеялась я.

Жить ему оставалось ровно три недели. В последние минуты с ним оставалась его жена.

...Течет моя река, река счастья и горя, надежды и любви, река моей памяти. Есть и островок на ней, даже рябина стала больше, она все так же смотрится в реку, есть и лозняк, и ольха, нет только его. И почти целый год после его ухода гложет одно: «А ведь я так и не сказала ему, как сильно любила его!»

Недавно пошла к реке моего детства, моей юности, и на нашем островке увидела парня и девушку. Девушка положила голову на плечо парню и что-то нежно говорила ему. Может быть, она говорила о любви. И еще я заметила, что рядом с рябиной вырос маленький дубок и тянется-тянется к рябине, а она к нему.

А.Лябикова

Источник: Бел.нива.-2010.-6февр.-С.6.